

КОМУ-ТО И ПОЛЫНЬ СЛАДКА

1

«Так что вы решили — ехать или нет?» Этот вопрос Мисако задавала мужу не раз в течение утра, но тот, как всегда, отвечал уклончиво, не давая и ей возможности распорядиться собой. Так в тягучей неопределенности прошла половина дня. Около часу пополудни Мисако искупалась и на всякий случай привела себя в порядок, после чего с вопросительным видом села возле мужа. Однако и на сей раз никакой внятной реакции от него не последовало.

— Может быть, примете ванну?

— Пожалуй...

Канамэ лежал на татами¹, подсунув под живот две подушки для сидения, и, подпирая ладонью щеку, читал газету. Уловив исходящий от жены запах косметики, он отвел голову вбок, будто отпрянул, и, стараясь не встречаться с ней глазами, взглянул на нее, вернее, на ее наряд — в надежде,

¹ *Татами* — плотные соломенные маты высотой около 5 см и площадью несколько больше 1,5 кв. м; служат для настилки полов в традиционных японских помещениях. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

что выбранное ею кимоно подскажет ему искомое решение. Загвоздка, однако, состояла в том, что с некоторых пор Канаэмэ не очень-то присматривался к нарядам жены. Как всякая заправская щеголиха, она, должно быть, регулярно покупала себе какие-то обновы, но при этом не спрашивала у него советов и не ставила его в известность о своих приобретениях, а потому по нынешнему ее виду было трудно заключить что-либо сверх того, что перед ним изящная современная дама, одетая для выхода.

— А сама ты как расположена?

— Мне все равно... Если вы решите ехать, я поеду с вами... Если нет, прокачусь в Сумá¹.

— Ты обещала быть в Сума?

— Да нет... Я могу поехать туда и завтра.

Мисако положила на колени маникюрный прибор и принялась полировать ногти, устремив взгляд в какую-то неопределенную точку над головой мужа.

Подобная нерешительность охватывала супругов не впервые. Всякий раз, когда им предстояло отправиться куда-то вместе, оба занимали выжидательную позицию, стараясь угадать настроение друг друга и не желая проявлять инициативу. Можно было подумать, что они держат в руках наполненный водой плоский сосуд для цветов, следя за тем, с какого края она выплеснется. Иной раз за

¹ Сумá — район Кобэ, расположенный на живописном морском побережье.

весь день им так и не удавалось прийти к обоюдному решению, но порой в последний момент внезапно обнаруживалось, что их желания совпадают. Сегодня у Канамэ было предчувствие, что в итоге они все же поедут вместе. Тем не менее он держался по обыкновению пассивно, рассчитывая, что все за него решит какая-нибудь случайность, и это не было пустым капризом с его стороны. Он знал, каким тягостным чувством сопровождается каждое их совместное путешествие, пусть в данном случае речь шла всего лишь о поездке в Дотомбори¹, до которого от силы час пути. Кроме того, он ощущал себя слегка виноватым перед женой: хотя Мисако и сказала, что может поехать в Сума и завтра, Канамэ догадывался, что она условилась о встрече с Асо, а если и нет, то в любом случае ей было бы куда приятнее провести время с ним, нежели томиться от скуки на представлении кукольного театра.

Накануне из Киото позвонил его тесть и, сообщив о своем намерении посетить театр «Бэнтэндза», предложил им с Мисако составить ему компанию. Разумеется, Канамэ следовало прежде посоветоваться с женой, но ее дома не оказалось, и он опрометчиво пообещал «быть непременно». Дело в том, что когда-то, желая потрафить старику, он из простой любезности посетовал, что давно уже не бывал в кукольном театре, и попросил

¹ *Дотомбори* — торгово-увеселительный квартал в южной части Осаки.

в следующий раз взять его с собой. Как видно, тот принял слова зятя за чистую монету. Отказываться в такой ситуации было неловко, к тому же другого случая не то что посмотреть вместе кукольный спектакль, но просто повидать тестя и спокойно, без спешки с ним побеседовать могло уже и не представиться.

В свои без малого шестьдесят лет отец Мисако жил на покое в Сисигатани¹, культивируя привычки человека утонченного вкуса. При том, что Канамэ не разделял его интересов и впадал в молчаливое раздражение всякий раз, когда старик принимался к месту и не к месту щеголять собственной эрудицией, он уважал тестя за прямоту и свободу от условностей — качества, которыми тот, судя по всему, был обязан своей бурно проведенной молодости. Канамэ с сожалением думал о том, что вскоре связующие их родственные узы оборвутся, и это, как ни странно, печалило его даже больше, чем грядущий разрыв с женой. Не претендуя на роль образцового зятя, он, тем не менее, считал себя обязанным, пока они с Мисако официально остаются супругами, хотя бы разок продемонстрировать старику свою привязанность.

И все же он не должен был принимать приглашение тестя, не посоветовавшись с женой, — он всегда считался с ее желаниями. Так было бы

¹ Один из районов Киото, славящийся живописным природным окружением, а также старинными храмами и историческими памятниками.

и вчера, но под вечер Мисако ушла, сославшись на необходимость «сделать кое-какие покупки в Кобэ», Канаэмэ же подозревал, что на самом деле она отправилась на свидание с Асо. Разговаривая с тестем, он живо представил себе, как она прогуливается под руку со своим любовником по морскому берегу в Сума. «Раз они встречаются сегодня, — рассудил он, — завтра она будет свободна». Впрочем, возможно, Канаэмэ был неправ, усомнившись в искренности жены: до сих пор Мисако ничего от него не скрывала, и если она сказала, что едет за покупками, скорее всего, так оно и было. Она не имела обыкновения лгать, да в этом и не было никакой нужды. Тем не менее существуют соображения такта, не позволяющие лишней раз напоминать мужу о вещах, заведомо для него неприятных, и то, что Канаэмэ принял ее слова о «поездке в Кобэ» за отговорку, не свидетельствовало о какой-то особой мнительности с его стороны — в его положении это было естественно. Да и сама Мисако наверняка понимала, что, давая согласие на поход в театр, он отнюдь не руководствовался ревностью или стремлением как-нибудь ей досадить. Но, с другой стороны, даже если они с Асо виделись накануне, из этого вовсе не следовало, что сегодня она не захочет встретиться с ним снова: поначалу их свидания происходили не так уж часто — раз в неделю, а то и в десять дней, — теперь же они могли видаться и по два, и по три дня кряду...

Когда спустя минут десять Канаэмэ вышел из ванной комнаты в наброшенном на плечи купальном халате, он застал жену за прежним занятием: уставившись в пустоту, она механически полировала ногти.

— Вам в самом деле хочется в театр? — спросила Мисако, поднеся к глазам отшлифованный до глянцевого блеска острый ноготок большого пальца и не поворачивая головы в сторону мужа, который с зеркальцем в руке причесывался на веранде.

— Да нет, не особенно. Просто однажды я имел неосторожность обмолвиться, что был бы не прочь побывать на кукольном спектакле.

— Когда это было?

— Не помню точно. Твой отец с таким жаром превозносил это искусство, что я решил сделать ему приятное.

Мисако вежливо улыбнулась, как улыбаются постороннему человеку.

— Полагаю, вам не следовало кривить душой. Вы ведь никогда не были с отцом особенно близки.

— В любом случае, ничего не произойдет, если мы ненадолго заглянем в театр.

— А где находится «Бунраку-дза»¹?

¹ «Бунраку-дза» (яп. «дза» означает «театр», «труппа») — название кукольного театра, основанного в Осаке известным кукловодом Уэмурой Бунракукэном (1750—1810). Спектакли театра пользовались таким успехом у горожан, что со временем название «Бунраку» стало нарицательным для обозначения этого вида театрального искусства.

— Это будет не в «Бунраку-дза». Театр «Бунраку-дза» сгорел¹. Речь идет о зале «Бэнтэн-дза» в Дотомбори.

— Значит, придется сидеть на полу? Вот это мило! Я же не смогу потом разогнуть колени!

— Что поделаешь, подобные заведения предназначены для ценителей старины вроде твоего отца. Кстати, он ведь не всегда был таким. Одно время он даже увлекался кинематографом. Видно, с возрастом вкусы людей в корне меняются. Я где-то слышал, что мужчины, в молодые годы славившиеся своими любовными похождениями, на старости лет становятся заядлыми антикварами. На место плотских вожделений приходит страсть к собиранию старинной чайной утвари, каллиграфии, живописи.

— Но отец, похоже, все еще не чужд плотских вожделений. У него есть О-Хиса. Эта особа наверняка будет с ним в театре.

— То, что твоему отцу нравятся такие женщины, как раз и подтверждает мою мысль. Она похожа на старинную куклу.

— Меня тошнит от одного ее вида.

— Что ж, придется потерпеть час-другой. Считай, что это входит в понятие дочернего долга. — Канамаэ вдруг подумал, что нежелание Мисако

¹ С 1884 г. театр «Бунраку-дза» помещался в сооруженном на территории синтоистского храма Горё в центре Осаки деревянном здании, которое в 1926 г. было уничтожено пожаром.

ехать в театр может объясняться совсем иными причинами, чем он предполагал.

— Вы оденетесь по-японски, не так ли?

Мисако поднялась и, подойдя к комоду, извлекла оттуда несколько уложенных в бумажные чехлы мужниных кимоно. В отношении одежды Канамаэ был не меньшим педантом, чем его жена. Каждому из его кимоно соответствовали определенный пояс и накидка, все было продумано заранее вплоть до мелочей, а именно: какие часы, какая цепочка, какая тесьма, какой портсигар и какое портмоне подойдут к тому или иному наряду. Никто не владел этими премудростями лучше Мисако — стоило Канамаэ только указать, какое именно кимоно он наденет, как она тотчас подбирала для него весь ансамбль. Теперь, частенько отлучаясь из дома, она старалась загодя приготовить для мужа все необходимое. Собственно говоря, это была единственная супружеская обязанность, которую Мисако исполняла безукоризненно, всякий раз давая мужу почувствовать свою незаменимость. В такие минуты Канамаэ ловил себя на странном противоречии. Когда, как сегодня, жена помогала ему надеть нижнее кимоно или поправляла на нем ворот, он с особой остротой ощущал всю необычность и запутанность их отношений. Кто, глядя на них сейчас, мог бы подумать, что они не являются в полном смысле слова мужем и женой? Должно быть, никому из прислуги такое и в голову не приходило. Да и почему, собственно, их нельзя считать полноценными супругами, если она подает ему

даже нижнее белье и таби¹? В конце концов, брак не сводится к одному лишь нежному перешептыванию в спальне, для этого существуют жены на одну ночь, которых у Канамэ было предостаточно. Супружеские отношения включают в себя еще и уйму мелких повседневных забот и попечений. Видимо, они-то и составляют существо брака. А если так, то у Канамэ не было никаких причин для недовольства женой...

Повязывая на бедрах пояс ручной работы с изысканным тканым узором, Канамэ посмотрел на жену, которая сидела на полу, склонившись над его любимой накидкой из черного шелка хатидзэ², и с помощью шпильки просовывала тесемчатые завязки в предназначенные для них узкие петельки. Чернота шпильки резко контрастировала с белизной ее ладони. Каждый раз, когда кончики ее пальцев с отполированными ноготками соприкасались между собой, слышался едва уловимый скрип — так поскрипывает при трении шелковая ткань. Привыкшая за долгие годы чутко реагировать на малейшие нюансы в настроении мужа, она намеренно, словно опасаясь впасть в такую же сентиментальность, не позволяла себе отвлечься от работы, которую испокон века исполняют все жены, и движения ее рук были ловки и деловиты. Это, в свою очередь,

¹ *Таби* — носки из плотной ткани с отделенным большим пальцем, застегивающиеся на щиколотке; их носят с традиционной японской обувью.

² *Хатидзэ* — шелковая ткань ручной выделки с клетчатым рельефом или узором.

давало Канамаэ возможность вчуже наблюдать за нею. С чувством затаенной грусти он смотрел на ее затылок и обнаженную часть спины. Он видел скрытую под тканью кимоно пышную округлость ее плеч и узенькую полоску выпроставшейся из-под подола голой лодыжки над туго накрахмаленным по токиоской моде белым носком таби. Ее кожа выглядела моложе и свежее, чем у многих тридцатилетних женщин, и будь Мисако чужой женой, Канамаэ, несомненно, нашел бы ее весьма привлекательной. Он и теперь испытывал к ней нежность, порой у него даже возникало желание прижать ее к груди, как было когда-то в их первые ночи. Но, увы, едва ли не с самого начала их совместной жизни стало ясно, что тело жены не вызывает у него чувственного влечения. По сути дела, нынешние ее молодость и свежесть были неизбежным следствием того полувдовьяго существования, на которое он ее обрек. При мысли об этом Канамаэ содрогнулся — не от жалости, нет, а от какого-то внутреннего озноба.

— Какая дивная сегодня погода... — вздохнула Мисако, поднявшись, и подошла к мужу сзади, чтобы помочь ему надеть накидку. — Жаль тратить время на театр.

Канамаэ почувствовал, как она дважды или трижды провела ладонью по его спине, но эти прикосновения были столь же холодны и бесстрастны, как прикосновения рук парикмахера.

— Не кажется ли тебе, что нужно позвонить Асо? — спросил Канамаэ, стараясь понять, нет ли в словах жены какого-то потаенного смысла.